Глава 18 Красноречивый

Втоптав одной ногой в грязь высоко стоящий Особняк маркиза, усадив Чжао Лули и старая госпожу, Гуань Суй вернулась в прежнее место и медленно сказала: “Я могу скрыть происхождение маркиза и не стать злодеем, который вызывает негодование. Конечно, в будущем я буду отвечать за особняк, социальные вопросы и человеческие отношения, я должна четко разбираться с этим. Точно так же, как у гражданских чиновников есть свои собственные клики, у военных командиров есть свои собственные круги, а у престижных семей в Яньцзине также есть своя собственная категория. Благородные семьи имеют свою собственную родословную и достоинство, всегда взаимодействовали только с семьями сопоставимой силы, а выскочки из нижних слоев также очень уникальны. Если я ничего не скажу, особняк маркиза Чжэнбэя не сможет войти в круг благородных семей и не сможет приблизиться к кругу выскочек. С течением времени это будет становиться все труднее и труднее”.

“Да, да, да, ты права”. Сунь Ши снова и снова кивала и вдруг сказала: “Если бы ты этого не сказала, я бы не поняла, почему подарок, который особняк маркиза посылал семье Чжао в Тяньшуй, возвращался каждый год, почему собрания знатных семей никогда не приглашали нас, почему некоторые патриархи и жены кланов отворачивались и уходили, когда увидели меня и господина маркиза, оказывается, это и есть причина. Почему старый маркиз не объяснил это тогда, это сделало нас… сделало нас клоунами, которые годами прыгали по балке крыши.” Когда прозвучали эти слова, Сунь Ши уже покраснела от гнева, слишком пристыженная, чтобы показать свое лицо.

Чжао Лули закрыл лоб руками и ничего не сказал. Изначально у него была очень сильная самооценка, ему было бы только более неудобно, чем старой госпоже, но он не мог говорить.

Чжао Чуньси, казалось, о чем-то задумалась, и ее лицо стало очень бледным.

Гуань Суй взглянула на нее и продолжила: “В будущем мы должны найти место в особняке маркиза. Мы не только не можем втиснуться в круги благородной семьи, но и должны держаться подальше. Мы действительно можем подружиться с выскочкой при дворе, но мы не можем переступить черту. Это все та же старая поговорка: я не буду спрашивать, почему император отверг ваш особняк маркиза, так что не нужно обманывать меня. Многие признаки указывают на то, что особняк маркиза, возможно, был записан императором, и я не знаю, когда он расплатится по счету. Поэтому необходимо держаться в тени и быть осторожным. Не ведите себя как внешние бродяги.”

Сунь Ши решительно согласилась: “Суй сказала это очень хорошо. Чуньси, я слышала, что в последнее время вы получаете много сообщений. Вы должны отвергать тех, кого можно отвергнуть, а тех, кого нельзя отвергнуть, вы должны пригласить в особняк. Пусть ваша мать сначала поможет вам все оценить, не учитесь у тех купеческих девушек, которые лазают по драконам и прикрепляют фениксов, берут за ляжку и хотят обнять, разве это не стыдно?”

Чжао Чуньси была смущена и раздражена этими косвенными упреками, но ответить на них было нелегко, поэтому она могла только обиженно ответить. Вспоминая прошлые собрания, она всегда подвергалась остракизму со стороны дочерей знатных семей и знатных дам. Она

всегда думала, что это потому, что ее отец не был у власти, а местонахождение ее мамы было неизвестно, но теперь она понимает, что это было связано с ее рождением. Ее, старшую госпожу величественного особняка маркиза Чжэнбэя, тоже будут презирать из-за ее происхождения. Неудивительно, что ее мама предпочла бы бросить мужа и детей, разлучиться со своей плотью и кровью и стать наложницей во дворце.

Прошло всего несколько дней с тех пор, как Гуань Ши вышла замуж в особняке маркиза, но Чжао Чуньси казалось, что прошло несколько лет, потому что она слишком хорошо знала, как рвать чужие лица, выкапывать чужие раны, посыпать их пригоршнями соли и позволять людям испытывать столько боли, что они хотели бы умереть. Однако у нее лучше получалось превращать чужую боль и обиду в слезы благодарности, это умение менять местами черное и белое было крайне пугающим.

Прямолинейная личность? боюсь, что только папа и старая госпожа поверят в это! Думая об этом, Чжао Чуньси почувствовала себя подавленной, но в этот момент она услышала, как Гуань Суй тихо сказала: "С прежними делами покончено. В будущем мы будем жить с закрытой дверью. Это будет хорошо для семьи, чтобы быть мирной и воссоединенной. У меня прямолинейный характер, поэтому я часто обижаю людей, не зная об этом, и мне все равно нужно, чтобы все терпели это в будущем. Ван Шу вчера избили, а я не вмешивалась, так что Сиэр неправильно поняла меня за жестокость. Теперь я скажу кое-что от всего сердца, глядя на эту пару, сына и дочь господина маркиза, я действительно... не могу относиться к ним, как к своим собственным.”

А? Что ты сказала? Неужели это старое тело услышало что-то не так? Я думала, что моя невестка скажет что-нибудь милое, но неожиданно после этого произошел огромный поворот. Сунь Ши была шокирована тем, что чуть не выплюнула глоток чая.

Чжао Лули заколебался: “Вы не оговорились в каких-то словах?” Согласно здравому смыслу, разве мачеха, которая только что переступила порог, не должна поклясться своему мужу, что будет относиться к пасынку и падчерице как к своим собственным? Как Гуань Ши сделала обратное? Но он не спешил сердиться, ожидая, что Гуань Ши закончит свои слова.

Глаза Чжао Чуньси слегка блеснули, и она пристально посмотрела вверх.

Гуань Суй медленно отхлебнула горячего чая и продолжила: “В этом году мне восемнадцать, Сиэр - тринадцать, а Ван Шу после нового года исполнится одиннадцать. Мы не очень отличаемся по возрасту. Странно быть матерью и ребенком, и мы к этому не привыкли. Кроме того, чувства приходят после того, как мы поладили. Если я скажу, что мне нравятся эти двое, и я почувствую симпатию с первого взгляда, вы поверите? В любом случае, я в это не верю. Конечно, независимо от того, сможем ли мы поладить в будущем, смогу ли я посвятить себя им, я выполню свой материнский долг. Вы можете не верить моему характеру, но репутация моего дедушки существует. Как Учитель императора, он должен сам преподавать свое учение, подавать пример, быть доброжелательным, вежливым, мудрым, преданным и сыновним, абсолютно не должен быть мятежным. Поэтому я также не буду портить имя моего дедушки и очернять блестящий литературный авторитет моей семьи Гуань. Я найду хорошую семью для Сиэр, я также проинструктирую Ван Шу, как идти по правильному пути. Что касается того, сможем ли мы в будущем быть так же близки, как мать и дети, это зависит от судьбы”.

Хотя это было немного прямолинейно, для Чжао Лули и Сунь Ши это звучало очень приятно. Гуань Ши действительно была еще молода и никогда не рожала детей, поэтому невозможно было сразу взять на себя роль матери. Если бы она притворилась добродетельной, нежной и доброй, как только вошла в дверь, это вызвало бы у людей подозрения, поэтому лучше сказать откровенно, как сейчас.

Сунь ши была чрезвычайно довольна этой невесткой и снова и снова улыбалась: “Если у вас есть судьба, естественно, у вас есть судьба, как еще вы могли бы быть невесткой моей семьи Чжао? Чуньси, ты будешь по-сыновьи относиться к своей матери в будущем, вы знаете?”

Чжао Чуньси нечего было сказать, кроме как угрюмо согласиться. Гуань Суй слишком хорошо владела навыками общения. Сначала контролируйте, а затем подавляйте, смешивайте эмоции с разумом. Она могла мгновенно раздражать людей и сразу же успокаивала их, в конце концов, они были глубоко тронуты. Гуань Ши действительно достойна быть членом семьи литературного гиганта, ее рот был так же хорош, как и ее перо, они были первоклассными и мощными!

Чувствуя обиду и удушье, это утро так и прошло. Гуань Суй попрощалась с ухмыляющейшя Сунь Ши и отправился с Чжао Лули и Чжао Чуньси навестить прикованного к постели Чжао Ван Шу, за ним следовала вереница управляющих, выглядевших очень напыщенно.

Чжао Ван Шу был напуган словами своего отца прошлой ночью, поэтому он был немного осторожен со своей мачехой. На самом деле, его натура была неплохой, но он был мягкосердечен и легко использовался другими. Причина, по которой он подставил Гуань Суй в прошлой жизни, заключалась в подстрекательстве Чжао Чуньси и Е Фана. В суде тоже были споры, он случайно стал оружием в чьих-то руках и в конце концов разбился на две части.

Он был еще молод в этой жизни, поэтому Гуань Суй, естественно, не причинила бы вреда ребенку, но она не могла искренне учить и защищать его везде, как в прошлой жизни. После еще одной красивой сцены она легко завоевала расположение Чжао Ван Шу, и Гуань Суй повела группу управляющих обратно в главный дом.

Чжао Чуньси нашла предлог, чтобы оттащить Чжао Лули подальше, чтобы его не умыкнула ее мачеха.

Гуань Суй была очень благодарна за это и попросила Минфана пойти на кухню, чтобы приготовить горшочек черепахового супа для господина маркиза и старшей госпожи.

Управляющие аккуратно стояли под коридором. В главном зале главного дома были открыты четыре резные двери, покрытые алым лаком. Новая госпожа со строгим характером и великолепным лицом восседала на высоком кресле во главе зала. Она вызывала людей одного за другим, чтобы сообщить о своих делах. Будь то покупки, счета доходов, счета расходов, социальные сделки и тривиальные вопросы, все это обрабатывалось упорядоченным образом и без каких-либо утечек. Этот метод был более искусным, чем у старой госпожи.

Управляющие, которые уже уважали и боялись ее, теперь были еще более убеждены в этом и не осмеливались больше создавать проблем.

Отослав обливающихся холодным потом управляющих, Минлган сердито сказала: “Мисс, семья Чжао на самом деле потомок беглого раба, они обманом заключили брак! Семья Цзо, семья Чжун, семья Гуань - все это хорошо известные литературные семьи. Насколько достойна семья Чжао?”

"Беглый раб? Говоря словами бунтаря, племя Цзюли также стало рабами племени Яньхуан после поражения в войне. Ради будущих поколений вождям клана пришлось увести свое племя в джунгли в глубоких горах, чтобы сбежать и поселиться там. Прошло более тысячи лет, и в конце концов они стали владыками Центральных равнин. Как говорится, "героев не спрашивают, откуда они родом", это достоинство в родословной давно вышло из моды. В будущем я больше не буду говорить о родословной и происхождении". Сегодня она использовала тиранический метод и демонстрировала властный характер, но ей никогда не нравились ограничения благородной семьи. В этом мире важна только фамилия Хо, а процветание и слава знатного рода ушли в прошлое.

Не договорив, Гуань Суй больше ничего не сказала маленькой девочке, только попросила ее положить “Записи Благородной семьи” на дно коробки и больше не доставать их в будущем. В прошлой жизни она тщательно прятала эту книгу, не смела позволить никому из семьи Чжао прочитать ее, боясь разбить им лицо и задеть их самооценку. При общении она никогда не позволяла Чжао Чуньси и Чжао Ван Шу общаться с детьми благородной семьи, чтобы не навлечь на себя унижение, но они считали ее человеком с черным сердцем и черной печенью, намеренно препятствующего их будущему.

Она тайно отменила ежегодный подарок, который она должна была посылать семье Чжао в Тяньшуй каждый год, и изменила его, чтобы субсидировать детский сад, но Е Фан донес на нее, из-за чего она понесла преступление в виде жажды собственности семьи мужа, и ее несколько раз принуждали к смерти.

Она вырывала свое сердце и старалась изо всех сил, но в ответ ее только ругали и преследовали. Но теперь она втоптала семью Чжао в грязь, но эти люди были благодарны ей и доверяли ей. Люди, ах! Они будут только закрывать глаза на ваши молчаливые усилия, но если вы просто скажете, что не практикуете поддельный стиль рук, они будут очарованы.

Смешно, жалко, грустно! Гуань Суй снова и снова качала головой, жалея себя прежнюю.

Видя, что она в плохом настроении, Минглан быстро сменила тему: “О да, эта горничная не упоминала об этом. Эта горничная услышала что-то новое, не хотите ли послушать?”

“В чем дело?” Гуань Суй это не очень заинтересовало.

“Есть ученый-конфуцианец по имени Сюй Гуанчжи, который разослал серию боевых сообщений десяти известным ученым-законникам, приглашая их на дебаты в здании Вэньцуй. В настоящее время на улице поднялось много шума, обсуждая, кто проиграет или выиграет.

Манера Сюй Гуанчжи говорить была настолько велика, что он фактически сказал, что если известные ученые-законники смогут победить один раз, это будет считаться полной победой, а если он проиграет один раз, то это будет считаться полным поражением, тогда он покинет Яньцзин и никогда не вернется.”

"О? Он действительно так сказал?” Гуань Суй внезапно подняла голову и посмотрела на маленькую девочку.

Минглан была поражена, а затем сказала ей: “Дебаты начнутся завтра, десять дней подряд, один день - одни дебаты. Мисс, давайте тоже пойдем посмотрим?”

“Хорошо, конечно, мы пойдем!” Гуань Суй прижала ладонь ко лбу. Втайне подумала: этот Сюй Гуанчжи действительно жаждет успеха и прибыли. В прошлый раз ему не удалось воспользоваться возможностью выделиться, но на этот раз он ее создал. Если этот вопрос станет большой проблемой, это определенно привлечет внимание того, кто выше, и он безумно хочет стать чиновником.

http://tl.rulate.ru/book/67090/2274449